

М.В. ЗЕНКИН

УДК: 940(477.53)

Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

В статье анализируется состояние исследования творчества Н.Г.Чернышевского в современной исторической науке. В хронологическом порядке рассматриваются основные работы постсоветской литературы о нем с целью определить, насколько изучается его творчество сегодня и следует ли этим заниматься.

Ключевые слова: Чернышевский, современная историография, историческая теория, община социализм.

В статті аналізується стан дослідження творчості М.Г.Чернішевського у сучасній історичній науці. Хронологічно розглядаються основні праці пострадянської літератури про нього з метою визначити, як глибоко вивчена його спадщина в наш час, а також чи є сенс цим займатись.

Ключові слова: Чернішевський, сучасна історіографія, історична теорія, община, соціалізм

The article examines the state of research in contemporary art NGChernyshevsky historiography. In chronological order, the work examines the main post-Soviet literature about him in order to determine how much of his work is studied today, and whether to do it.

Key words: Chernyshevsky, modern historiography, historical theory, communal socialism.

Н.Г.Чернышевский – крупнейший представитель радикально-демократического направления общественной мысли России середины XIX в., именуемого в советской историографии революционно-демократическим. Революционность воззрений Чернышевского беспрестанно доказывалась всеми советскими историками, опиравшимися на марксистско-ленинскую методологию, не допускавшую иных подходов к оценке наследия демократа. Такой однобокий подход к исследованию творчества Чернышевского искажал его образ и не позволял взглянуть на его проекты преобразования России с подлинно научных позиций.

С крахом советской заидеологизированной системы открылись новые возможности для историков, но фигура одного из передовых мыслителей

XIX ст. незаслуженно оказалась почти забытой. Работы, связанные с изучением и переоценкой его творчества, исчисляются буквально единицами.

Между тем, Чернышевский оставил богатейшее наследие. В своих работах он изучал практически все сферы жизни российского государства. Безусловно, далеко не все его выводы бесспорны и следует делать скидку на время, в которое он работал, на исторические условия той поры, на его политические убеждения, накладывавшие отпечаток на характер и направленность его исследований. Чтобы восстановить должный уровень оценки его поистине колоссального вклада во все общественные сферы, необходимо с подлинно научных максимально объективных позиций переосмыслить его образ, жизнь и деятельность, вклад в сокровищницу общественной мысли.

оценок деятелей 1860-х годов» [5, с.174]. Пользуясь моментом, он признает некоторую их правоту словами: «...есть в них (либеральных оценках идей Чернышевского. – М.З.) и очевидное рациональное зерно. Деятельность Н.Г.Чернышевского действительно не была столь прямолинейно революционной, как это порой утверждается в советской историографии» [5, с.147].

Карпачев не сделал в своей книге существенного переосмысления наследия Чернышевского, но важным шагом вперед по сравнению с прошлым она стала. Да и не следует упрекать автора за некоторую робость. Книга готовилась в условиях острого кризиса советской исторической науки, где еще были сильны идеологические моменты, но не было ясно видно новых путей для развития историографии.

В это же время, что и книга М.Д.Карпачева, вышла работа Е.А.Кирилловой, изначальная цель которой – рассмотрение русского философского радикализма, сравнительно нового, на момент выхода работы термина, а, относительно Н.Г.Чернышевского, принципиально нового подхода.

Автор, рассматривая философские взгляды мыслителя, указывает на то, что для него выше человека в мире ничего не было [6, с.106]. Эта гипотеза о примате человека и человечества надо всем быстро обрела оттенок фанатизма, и Чернышевский системно и целенаправленно разрабатывал новое цельное философское мировоззрение. Новое направление, как указывает Кириллова, определилось достаточно ясно: «Чернышевский признавал единый принцип бытия, был сторонником философии материализма; в вопросах гносеологических был сенсуалистом, в вопросах этических утилитаристом и понимал самый процесс бытия как эволюцию» [6, с.106]. Так в анализе философской концепции мыслителя автор отметила новый, по сравнению с советским, подход – эволюционное развитие. Эту

философскую основу Чернышевский распространил на всю свою историческую и политическую концепции.

Далее, касаясь вопросов будущего в теории демократа, Кириллова пишет: «Для Чернышевского социальная утопия всегда оставалась одним из исторических доказательств собственной его правоты и научности его истолкования теории прогресса в демократическом духе» [6, с.133-134]. Автор анализирует собственно философские основы общественно-политических взглядов Чернышевского: материализм, «здоровый эгоизм» и прочее. Она отмечает демократический дух во всех частях его философии, что в сущности соответствует действительности.

Кириллова обратилась и к всегда волновавшему исследователей вопросу – какими средствами достигается желаемое будущее и какие именно общественные силы двигают прогресс? Если ответ на второй вопрос она находит и дает четко: «Эта цель могла быть достигнута только в союзе с новой общественной силой – народными массами» [6, с.144], то ответ на первый вопрос растворился в ее рассуждениях и цитатах из работ Чернышевского. Однако тон рассуждений автора дает смелость утверждать, что она склоняется к эволюционному пути, хотя прямо не утверждает. Во всяком случае, в революционности Чернышевского она не обвиняет, а на сегодняшнем этапе это именно обвинение.

Исследуя далее социалистический идеал, автор пишет: «Чернышевский, первый русский социалист-теоретик – явление очень яркое и характерное. Говорить и писать о социализме ему пришлось в ту эпоху, когда читатели и поклонники смогли уловить лишь самый общий смысл его рассуждений» [6, с.170]. Думается именно эта недопонятость, опережение своего времени привели к искажению в умах сторонников, последователей, современников и потомков Чернышевского истинную сущность его взглядов. По сути,

каждый находит в них свое в силу невероятной широты и глубины теоретических построений мыслителя, пусть и утопичных порой.

Кириллова справедливо характеризует демократа как крупнейшего философа-экономиста и политика России начала 1860-х годов. Он действительно, как вряд ли кто-либо иной, повлиял на общество в целом, на различные направления общественной мысли и науки.

Среди социалистов-утопистов, по мнению Кирилловой, Чернышевский был наибольшим реалистом. «Главными путями, которыми, по мнению Чернышевского, человечество движется к социализму, является путь социализации мировоззрения, идеологии людей и путь политической борьбы за переустройство общества» [6, с.173]. Действительно, демократизация интеллигенции, вооружение знаниями людей, кровно связанных своими интересами с народом, Чернышевский считал факторами огромного исторического значения и предпосылками распространения социализма.

Как указывает Кириллова, роль Чернышевского в обосновании социалистического идеала определяется тем, что он создал наиболее глубокое и всестороннее экономическое и социально-политическое обоснование социалистического идеала в рамках философско-исторической доктрины.

Что же касается средств проведения в жизнь своих проектов, то исследователь упоминает дневники Чернышевского, где он верил в революцию и обращает на это внимание читателей. Однако, как указывалось выше, тон изложения автором своих выводов позволяет сделать заключение, что этот «реверанс» был сделан исключительно из-за влияния ленинских подходов, еще не изжитых исторической наукой и используемых в литературе, вышедшей в 1991 году, куда относится и книга Е.А.Кирилловой. Думается, что она в эти выводы и сама не верит...

В книге А.И.Володина 1996 года образ Чернышевского используется уже несколько очищенным от оценок, данных советской исторической наукой [2]. Володин избавляется от крайностей в оценках, хотя и, как нам показалось, еще не до конца уверенно. Тем не менее, он использует Чернышевского как своего рода «эксперта» в ряде проблем, очень актуальных и сегодня.

Кроме того, Володин справедливо предлагает отказаться от стереотипа: процесса распада «западников» на «революционеров-демократов» и «буржуазных либералов» [2, с.200]. Причем, условность этих названий он подчеркивает использованием кавычек. Здесь он поднимает очень важный аспект: смазанность, и это очень опасно, ряда существенных, принципиальных различий в типах революционности, использует понятие радикализма и отделяет от политических экстремистов, террористов, как он пишет, «артистов революции» тех, в том числе и Чернышевского, кто видел неотвратимость, но вместе с тем, крайнюю опасность революционного взрыва. Последние, в особенности Чернышевский, размышляли над тем, как можно придать этому «народному одушевлению» такую направленность, чтобы из «экстренной деятельности» взбунтовавшихся масс не получился бы «только вред» [2, с.200]. Кавычками автор выделил слова, принадлежащие Чернышевскому, ссылаясь на его работу «Не начало ли перемены?» [15, с. 855-889].

Не скрывает Володин от читателей и либеральные мысли Чернышевского, когда приводит его слова о ценности человеческой личности и индивидуализме [2, с.197], а также о демократии. Последние очень современны. Так, в статье «Г.Чичерин как публицист» Чернышевский писал: «По существенному своему характеру демократия противоположна бюрократии; она требует, чтобы каждый гражданин был независим в делах, касающихся только до него одного; каждое село и каждый город

независимы в делах, касающихся его одного; каждая область в своих делах. Демократия требует полного подчинения администратора жителям того округа, делами которого он занимается. Она хочет, чтобы администратор был только поверенным той части общества, которая поручает ему известные дела, и ежеминутно может требовать у него отчета о ведении каждого дела. Демократия требует самоуправления и доводит его до федерации. Демократическое государство есть союз республик...» [14, с. 652-653]. Следует напомнить, что Чернышевский и Герцен вершинами в развитии западной демократии считали США и Швейцарию – федерации именно такого типа. При всем желании в этих мыслях демократа невозможно найти предтечи большевизма и государства, построенного на его принципах. А ведь советские историки, громя либералов с помощью привлечения Чернышевского, часто использовали цитаты из этой работы. К сожалению, применялся метод «выхватывания» ряда цитат из контекста.

У Володина же Чернышевский выглядит современным, хотя и без глубокого переосмысления его наследия в этой работе историка.

В 2000 году вышла фундаментальная коллективная многотомная работа «Из истории русской культуры», пятый том которой был посвящен XIX столетию. Одним из авторов был Б.Ф.Егоров. Его участие в ней было своего рода шансом для того, чтобы очертить контуры дальнейшего переосмысления наследия Чернышевского в новых современных условиях. Однако шанс реализован не был. По сути, автор, характеризуя философию и футурологические идеи демократа, шел в фарватере советских определений. Чернышевский у Егорова, правда, радикальный демократ, однако «всерьез готовящийся к революционным кровавым битвам» [3, с. 213]. Такая характеристика показывает Чернышевского однобоко,

акценты здесь необходимы, но их нет. Ниже Егоров вновь возвращается к использованию словосочетания «революционно-демократическая», говоря о политэкономии Милля, в которую она превратилась из-за примечания и дополнения Чернышевского в его переводе труда Дж. Милля «Основания политической экономии» [3, с. 213].

Можно было бы по-новому подойти к идеям демократа, характеризуя его социализм. Попытка была сделана. «Чернышевский и Добролюбов поразительно сочетали в себе утопизм и трезвость взгляда. – Пишет Б.Ф.Егоров. – В предреформенную пору и в первые месяцы после 19 февраля 1861 г. они мечтали о скорых коренных преобразованиях социально-политического устройства России, мечтали об общенародной революции, но понимали практическую сложность ее осуществления, не хотели искусственных всплесков или бакунинского разнузданного бунта «бессмысленного и беспощадного», как сказал бы Пушкин» [3, с. 245-246]. В цитате видна пока неготовность, думается исторической науки в целом, к фундаментальному переосмыслению идей Чернышевского. Вот и Б.Ф.Егоров постоянно скатывается к устоявшимся характеристикам демократа.

Дальше Егоров углубляется в утопизм Чернышевского, акцентируется внимание читателей на его наивности. Опирается он на роман «Что делать?», переходит к примерам неудачи практической реализации его идей. Он пытается показать непонимание Чернышевского его последователями более резкими в оценках и не готовыми ждать подходящего момента для революционных выступлений и не стремящимися проработать план постреволюционных преобразований до деталей. В целом это удалось, но готовности переосмыслить мировоззрение Чернышевского нет. Ярким примером служит признание за ним авторства в

прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон».

Также довольно робкую попытку пересмотра образа Чернышевского предпринимает Н.А.Троицкий. Думается, что к полному отказу от советских оценок он пока не готов, но подобные шаги делает. Указывает, например, на заблуждение М.В.Нечкиной и малую доказательность ее выводов, в частности о встрече и переговорах Чернышевского с Герценом [8, с.184-185].

Говоря о желании Чернышевского революции, заметном в его ранних дневниковых записях, Н.А.Троицкий отвергает его авторство в «Письме из провинции», где содержится призыв «к топору» и в упомянутой прокламации «Барским крестьянам...» [8, с. 182].

Таким образом, историк опровергает идею немедленного крестьянского восстания, приписанную Чернышевскому, однако оставляет неприкосновенной мысль о намерении Чернышевского бросить все силы на мобилизацию революционных сил, которые смогли бы заняться подготовкой к «исторической деятельности», т.е. к решающему выступлению «густых колонн» народа [8, с. 183]. Здесь заметна точка зрения, которую разделяем и мы, что Чернышевский не отказывался от возможности революции, но если она грянет, то народ должен быть готов к ней, а прогрессивные передовые общественные деятели должны это возглавить для направления ее в максимально возможное конструктивное русло. Но подобные суждения Чернышевского все же больше похожи на стремление к созданию широкого антикрепостнического (в первую очередь) и антисамодержавного движения с целью принудить царизм к радикальным реформам, что обратил внимание и Троицкий [8, с. 183].

Интересную характеристику Чернышевскому в своей книге дал В.К.Кантор [4]. Раздел, который он посвятил демократу символично назван «Срублено дерево жизни». В нем Кантор довольно

удачно развенчивает ряд неправдивых мифов о Чернышевском и начинает с акцента на противоречивости восприятия его образа как современниками, так и потомками. Случилось это, видимо, оттого, что он был слишком уж европейцем в чрезмерно азиатской стране.

Кантор поочередно касается различных аспектов мировоззрения Чернышевского, отбрасывая неверные выводы, навязанные апологетами ленинской методологии исследователям Чернышевского и закрепившиеся в сознании миллионов читателей.

Самый главный из них, вокруг которого и образовались другие мифы, – революционная направленность творчества демократа. На страницах книги Кантор приводит самые различные цитаты из разных работ Чернышевского, опровергающие его жажду революции, с одной стороны, и доказывающие стремление к эволюционному развитию, с другой. Это слова о невежестве народа, который из-за этого набрасывается на всех и все разрушает, не пощадив «нашей науки, нашей поэзии, наших искусств; он станет уничтожать всю нашу цивилизацию» [4, с. 274]. Иным словами, выход не в слепом разрушении старого, а, прежде всего, в просвещении, чего катастрофически не хватает. Но, как указывает Кантор, просвещение идет через конкретных личностей. Настоящих же личностей тоже не хватало России. Он описывает эти блоки взглядов Чернышевского на предмет поиска ответа вопрос, верил ли он в революцию. А отвечает удачной цитатой, не содержащей излишнего пафоса. «Весь этот сонм азиатских идей и фактов составляет плотную кольчугу, кольца которой очень крепки и очень крепко связаны между собой, так что Бог знает, сколько поколений пройдут на нашей земле, прежде чем кольчуга перержавеет и будут в ее прорехи достигать нашей груди чувства, приличные цивилизованным людям» [16, с. 616-617]. И это не единственная подобная мысль

Чернышевского, иллюстрирующая выводы В.К.Кантора.

Вообще он несколько оригинально, действительно по-новому характеризует Чернышевского. Например, он, естественно, опровергает авторство мыслителя в тексте «Письма из провинции», где звучит призыв «к топору», находя, в частности, ряд логических нестыковок [4, с. 284-285]. Сравнивая его с некоторыми другими текстами Чернышевского, но приходит к верному выводу: «Произвол и насилие – самые ненавистные для Чернышевского понятия» [4, с. 285].

С этих позиций Кантор подходит к нашумевшей прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», где уже признает авторство или, во всяком случае, причастность к ней Чернышевского [4, с.286]. Однако, если другие исследователи творчества Чернышевского находили в ней подтверждение его революционного настроения, то Кантор такого не видит. Называя его гуманистом, пытавшемся предотвратить в своих зрелых произведениях катастрофическое течение событий, Кантор акцентирует: «Именно об этом и в его (Чернышевского. – М.З.) знаменитой прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» (1861), где он призывает, уговаривает крестьян не восставать, ибо, договорившись с умом, можно людям без крови жизнь устроить» [4, с. 286]. И далее следует цитата из прокламации. Одним словом, действительно новый взгляд на Чернышевского, которого радикалы называли учителем, но учиться у него не хотели, но вкладывали в его уста лишь то, что сами хотели услышать. Также новой характеристикой идей Чернышевского стало именование его Кантором не столько «демо-кратическим», а скорее «демо-критическим» мыслителем. Действительно, в то время как подавляющее большинство буквально обожествляло народ – и православные мыслители, и разночинные писатели, и радикалы, и Герцен, и Толстой, и Достоевский,

Чернышевский же призывал смотреть на реальность «трезвым взглядом». «Забудемте же, кто светский человек, кто купец или мещанин, кто мужик, будемте всех считать просто людьми и судить о каждом по человеческой психологии, не позволяя себе утаивать перед самими собою истину ради мужицкого звания», – писал демократ [15, с. 862]. Кантор прав, что Чернышевский не мог победить, поскольку не льстил народу и не идеализировал его. Причем ради него же самого.

В целом попытка убедить читателя в необходимости размышлять о Чернышевском в современных условиях автору удалась, не без некоторой путаницы (отношение к прокламации «Барским крестьянам...»). Он отделяет Чернышевского от ленинизма, а об образе революционера-страдальца справедливо указывает, что он был практически подарен ему самодержавием. В этой славе «он не нуждался. Но она было тем сильнее, чем беззаконнее выглядело решение суда» [4, с. 288].

Среди историков, борющихся с революционным образом Чернышевского, ведущее место принадлежит В.Ф.Антонову, который посвятил системному разбору общественно-политических взглядов Чернышевского с современных позиций отдельную книгу. Он касается не всех аспектов мировоззрения Чернышевского, однако его историческая концепция и теория социализма проанализированы всесторонне.

Историка, в первую очередь, волнует проблема именно революционности Чернышевского, переоценки его места в науке и роли в общественном движении середины и второй половины XIX в. Антонов подверг достаточно глубокому анализу историографию Чернышевского, начиная с 1905 г, когда о нем можно было более или менее серьезно писать [1, с.3]. Литературу о нем Антонов разделил по принципу отрицания или утверждения в ней Чернышевского как революционера.

Разумеется, рассмотрены ключевые работы, дававшие магистральные направления для дальнейшего анализа творчества демократа.

Историография Чернышевского, как верно отметил историк, не содержала ни одной попытки системного изложения общественного идеала демократа, особенно его экономических и политических сторон. «Литература менее всего занималась будущим политическим строем России по Чернышевскому, но в то же время, действуя от его имени, она допустила и больше всего ошибок в оценке этого строя. Поставленная в рамки ленинской концепции, литература о Чернышевском сбилась с дороги, ушла в сторону и там погрязла в абстракциях, мифах о его революционности, готовности взбунтовать крестьянство России и повести его на штурм самодержавия с целью утверждения в стране социализма» [с.30].

Переосмысливая образ Чернышевского, Антонов сосредоточил свое внимание на его исторической концепции и теории социализма, не обходя вниманием различные детали, прямо или косвенно связанные с вопросами крепостного права. Однако борьбу с революционным образом мыслителя историк разворачивает именно в рамках исторических взглядов Чернышевского. Например, В.Ф.Антонов указывает на отношение Чернышевского к монархам и отмечает его относительную позитивность. Государственное управление должно основываться на разумном законодательстве, полагал он, и форма правления значения не имеет. Другое дело, что при абсолютной монархии, особенно в условиях России XIX в. даже при разумном законодательстве сложно было достичь эффективности управления. Тем не менее, стремиться к этому, согласно теории Чернышевского, следует мирным путем. Он готов был поддержать любого государственного деятеля, который встал бы на путь разумных реформ. Антонов приводит цитату из его работы «О новых условиях сельского быта»: «Царствования Петра I и Екатерины II, Александра II и Николая II

были ознаменованы многими благотворными для государства мерами чрезвычайной важности...без сомнения могущественным образом улучшавшие нашу государственную жизнь...», жаль, что их действия не касались крепостного права, «из которого возникали все наши бедствия» [12, с. 65]. Однако действия Александра II по подготовке отмены крепостничества благословляют его времена «славой, высочайшей в мире..., увенчивают Александра II счастьем, каким не был увенчан еще никто из государей Европы» [12, с. 70]. Разумеется, Чернышевский не питал иллюзий, что император и дворянство как правящее сословие произведут реформу именно в интересах крестьянства, но не «слагал оружия» и боролся за это на страницах своих работ, сплачивая общественность вокруг этого. И даже половинчатость реформы не превратила его в революционера, так как он не видел позитивных плодов у революционного пути.

Антонов намекает, что Чернышевский сравнивал революцию с варварскими нашествиями на Рим, в результате которых «почти все существовавшее хорошее было истреблено, римский мир отодвинут на несколько сот лет назад» [17, с.655]. Рим должен был изыскать внутренние резервы для развития, а именно так и происходит в естественном ходе истории. «Какая польза для общественной жизни, если учреждения, дурные или хорошие, но все-таки человеческие, все-таки имеющие в себе хоть что-нибудь, хоть несколько разумное, заменяются животными обычаями?» [17, с. 646].

Антонов анализирует теорию Чернышевского о циклах развития. Ее он также очищает от искажений, сделанных в советское время. Историк обращает внимание, что она напоминает формационный подход. Используя определенную терминологию, это дает основание представить периодизацию Чернышевским исторического процесса в таком виде: первобытно-общинный строй

(начало развития), феодализм (переходный период), капитализм его времени (цикл ускоренного развития) и социализм (высший цикл развития), к которому Европа вплотную подошла. «Эта видимая графическая похожесть на формационность и соблазнила некоторых исследователей (Покровский С.П. Политические и правовые взгляды Чернышевского и Добролюбова. – М., 1952. – С.152; Тулин М.А. Н.Г.Чернышевский об основных этапах развития общества. – Л., 1960. – С.2 и др.) причислить Чернышевского к сторонникам марксистской периодизации исторического процесса» [1, с.60-61]. Сама трактовка Чернышевским циклов развития, как верно заключает Антонов, почти не анализировалась.

Вера Чернышевского в народ, приписанная ему в советский период, также не выдерживает критики. Используя разнообразные цитаты, Антонов доказывает, что демократ не находил пока в народе тех качеств, которые считал прогрессивными. Только став образованным и в этом качестве абсолютно превосходя численно вместе аристократию и буржуазию, народ постепенно отстранит их от управления. «Теория нарастания», как указывает Антонов, также не получила в историографии должного освещения, а если это и случалось, то она подавалась в крайне искаженном виде. В ней отрицалась эволюционность, а революционные мотивы доводились до крайности, причем «революционные» не с точки зрения чего-либо необычного в теории, а именно в духе большевизма. Антонов же предлагает, имея на это полные основания, рассматривать упомянутую теорию именно в эволюционном духе постепенной подготовки всего общества к новым условиям жизни. Изменения необходимы, но безудержно торопить их бессмысленно и опасно, так как «старое здание» попросту обрушится. Реконструкцию нужно тщательно готовить.

Много места у В.Ф.Антонова занимает развенчание революционного характера

исторической концепции Чернышевского. Среди основных источников такого мнения он указывает на три: дневники 1848-1853 гг., приписанная ему прокламация «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» и «Письма без адреса» 1862 г. Прокламацию Антонов отбрасывает сразу, в «эзоповский язык», скрывавший истинный, революционный смысл взглядов Чернышевского, он не особенно верит. Дневники же рассматривает и приходит к выводу, что и здесь советская историческая наука ошиблась. В ту пору демократ был действительно не последователен в оценках и выводах, молод. Историк прав, полагая, что от веры в революционную готовность России Чернышевский был далек и в 1848 г. Дневники, как его ранние произведения, в силу еще не сформировавшихся до конца воззрений в целом, крайне не надежный источник.

Революционный настрой Чернышевского в молодости Антонов относит на счет его непомерного самомнения, нарциссизма, которые он вскоре преодолел, а после свадьбы покончили с революционностью. «Идеалы социализма, демократии, просвещения и служения народу, сложившиеся в годы юности, остались, и получили в полнее осознанное развитие, но уже в ином, реформистском и демократическом направлении, в духе теории “нарастания”» [1, с.83]. В более зрелых работах мыслителя революционные призывы найти сложно.

Советские историки, однако, пытались. Моменты «усиленной работы» новых поколений расценивались как революции, несмотря на четкое определение Чернышевским их периодичности. Были у него и другие определения: «Периоды благородного порыва», «Краткие периоды усиленной работы», «Минуты отважных» или «Героический свершений», «Скачки», «Одушевленная историческая работа» и прочее. Ими Чернышевский как яркими красками очерчивал картину исторического процесса. Идеологически свободный ум не

станет искать в них революционности. Антонов прав: «Настроенная ленинским камертоном, историография в поисках революционности Чернышевского обходила сущностное, подменяя его формально-терминологическим оторванным от контекста» [1, с.69]. Чернышевский же говорил лишь о прибавлении к старому нового, более яркого, прогрессивного, когда отжившие учреждения заменяются в периоды «усиленной работы» и называется этот процесс нарастанием, но не революцией. Прогресс у Чернышевского вообще никогда не нуждался в насилии. «Форма падает не силою своих врагов, а единственно тогда, когда обнаруживается ее собственная беспомощность для общества», - писал мыслитель [11, с. 8].

Хотя он не считал общественное развитие бесконфликтным, а Ленин полагал, что от его сочинений веяло духом классовой борьбы, на самом деле, как указывает Антонов, это была идейная борьба [1, с.91].

Отвечая на потребности времени в переоценке личности и воззрений Чернышевского, весьма удачно, на наш взгляд, характеризует советскую литературу Е.Л.Рудницкая. Она указывает на изначальную заданность оценки Чернышевского в ней – максимальное сближение его с большевизмом. «Его духовный облик не только обеднялся, но грубо искажался, изымался из контекста исканий русской мысли, ее обретений на пути утверждения приоритета личности в исторической жизни народа» [7, с.37-38]. Ключевой проблемой для понимания суждений Чернышевского она считает значение личности. Исходя из этой проблемы, она и сопоставляет воззрения Чернышевского и Чаадаева.

Историческая теория

Касаясь исторической концепции Чернышевского, Рудницкая оценок не делает, но акцентирует внимание на отношении мыслителя к реформам, начиная с анализа Петровских преобразований. Используя посыл «цивилизационное

видение», Рудницкая указывает на ценные, на наш взгляд, и сегодня мысли Чернышевского о чуждости России европейской цивилизации по духу и сознанию, не смотря на попытки Петра превратить ее в европейскую страну. С одной стороны, полагает автор, им двигала жесткая прагматическая цель: создание сильной военной державы, стоящей на уровне передовых стран Европы. С другой же стороны, реформы Петра были вызваны не приверженностью Западу, а необходимостью противодействовать противникам начатого реформирования [7, с.41].

Рудницкая указывает на пессимистический взгляд Чернышевского на русскую историю, хотя он и не разделял идеи Чаадаева об ущербности русской нации. Действительно, Чернышевский искал причины такого состояния и находил их в существовавшем общественном строе, переносил проблему в социально-политическую сферу.

Углубляясь в анализ среза русского исторического процесса, как верно отмечает Рудницкая, Чернышевский пришел к проблеме крестьянской поземельной общины как первичной ячейки хозяйственной и общественной жизни подавляющей части русского народа.

Следует отметить, что Рудницкая едва ли не впервые в историографии акцентирует внимание на принципе Чернышевского как «качество цивилизации» применительно к проблеме общины. Вообще использование этого принципа автором при анализе воззрений Чернышевского – важный позитивный шаг вперед в исследовании наследия мыслителя. Советская историография применяла, как известно, совсем иной принцип, оценивая личность демократа.

К характеристике общинной теории Чернышевского по ее сути Рудницкая существенного не добавила, поскольку этот блок взглядов демократа в достаточной степени проанализирован. Однако она

выводит Чернышевского в совсем иной, по сравнению с советской исторической наукой, ряд. Описывая отношение мыслителя к общине, она отходит от советской апологетики, справедливо показывая его как сторонника правового государства и просвещения, ибо именно это, а не революция, исходное условие прогресса и цивилизованного пути для России, как это было свойственно странам Запада [7, с.44]. Рудницкая подчеркивает оригинальность Чернышевского: «Чернышевский-социалист снимает противоречие между личностью и общественными началами, свойственные социализму – приоритет общественного перед личным, и видит заложенные в общине условия именно для утверждения личности [7, с.44]. Она верно отметила тот факт, что община у Чернышевского не может быть враждебна индивиду, он в ней не растворяется, как крестьяне в советских колхозах. Напротив, она – защитница личного принципа и гарантия, своего рода, «противоядие» от «язв пролетариата», считающихся у демократа злом. (Это еще один аргумент против отождествления Чернышевского с большевизмом).

Решение же вопроса о юридическом обеспечении прав личности Чернышевский-социалист видит «в союзном производстве и потреблении... естественном продолжении, расширении, дополнении прежнего стремления к обеспечению частных прав отдельной личности» [10, с.470].

Как указывает Рудницкая, гуманистический приоритет вносит корректив в его отношение к современной европейской цивилизации. С одной стороны, он солидаризируется со славянофилами, обличающими ее пороки, с другой же стороны, считает непреложным единство пути России и Запада в общем для них экономическом движении. Община же – средство от «болезни пролетариата» при достижении идеала, к которому стремится Европа. Мало того, как отмечает Рудницкая,

для Чернышевского главное в общине – это неизменность ее внутреннего смысла, имущественного принципа коллективного владения землей, содержащееся в ней антигосударственное начало в противовес началу гражданскому, личному [7, с.45]. Иными словами, некоторые позиции либерализма были не чужды Чернышевскому.

Рудницкая удачно, на наш взгляд, демонстрирует и гибкость позиции Чернышевского в экономической области, готовность брать на вооружение лучшее из различных идеологических принципов. Так, он не отбрасывал и основополагающий принцип либерализма – «laissez faire, laissez passer» («не мешайте действовать»), но утверждал, и не без оснований, что государство своей деятельностью никак этому не способствует. Напротив, меры государства ведут к подавлению личности, превращают законодательную и административную силу в полицейский и военный надзор для усмирения и наказания. Еще одно доказательство невозможности превращения Чернышевского в предтечу большевизма.

Указанную сторону теории Чернышевского историк весьма удачно раскрывает, постоянно обращаясь к выдержкам из работ мыслителя, и отделяя тем самым его от того образа, который был несправедливо «навязан» ему в марксистско-ленинской историографии. Удачная цитата: «Государство, по нашему мнению, существует только для блага частных лиц» [13, с.579] очередной раз иллюстрирует готовность Чернышевского использовать некоторые принципы либеральной идеологии, хотя называть его либералом было бы ошибкой.

Рудницкая анализирует взгляды демократа на роль государства в экономической деятельности. Он считал это необходимым, но указывал, что государство и общественное устройство не обеспечивают условий для экономического развития. Она отмечает его критику

«азиатства», в котором пребывает Россия, указывает на возможности преодоления этого согласно теории Чернышевского и акцентирует внимание на его понимании европейского пути России. «Отталкиваясь от исходного условия, – пишет Рудницкая, – освобождение личности, даруемого законом и просвещенности, Чернышевский завершение процесса освобождения видит в социализме, в его экономических гарантиях, обеспечивающих соединение качеств собственника и работника в одном и том же лице» [7, с.46]. Таким образом, указывает она, как и ее предшественники, проблема общины непосредственно сопряжена с проблемой социализма, цивилизационной проблемой. При этом, форма правления – результат сугубо локальных национальных условий и исторической традиции – не имеет решающего значения. В этом она также отличается от советских историков, ибо показывает, что Чернышевский никак не стремился к свержению существующего строя. Его беспокоила не монархическая власть, а ее антинародный характер и, как показал исторический процесс, республиканские формы могут быть еще хуже, чем монархия в России времени Чернышевского.

Рудницкая акцентирует внимание также на западничестве Чернышевского в сравнении с Чаадаевым, на его призыве не только учиться на ошибках Европы, но и планомерно заниматься просвещением народа, делом долгим и трудным, для того, чтобы умело пользоваться уроками других. «Когда мы будем также просвещены, как западные народы, только тогда мы будем в состоянии пользоваться их историей, хотя бы в той слабой степени, в какой пользуются ею они сами» [9, с.617]. Анализируя эти идеи Чернышевского, Рудницкая приходит к верному выводу о понимании им перспектив прогресса – трезвый оптимизм, сходный с его отношением к формам власти. И то и другое определяется конкретным социальным содержанием действий [7, с.47-

48]. Как указывает историк, социальные идеи Чернышевского определялись этической сущностью его мировоззрения, в центре которого был человек с его правом на свободу.

У Рудницкой Чернышевский выглядит по новому, без налета «революционности», идейной и «классовой» нетерпимости, как хотели показать советские историки. Он материалист, его идея всеобщности прогресса лишена религиозного наполнения, а права и, главное, свободы человека, как и сам человек – главная ценность. Кроме того, Рудницкая акцентирует внимание на «затертой» идее демократа о том, что крестьянская революция – смертельная угроза судьбе цивилизации в России; что, обвиняя себя в «измене народу», он отвергал путь народной революции, «ужасающей нас развязки» [7, с. 50]. Действительно, путь реформ и просвещения для Чернышевского был ответом на вопрос о социальных преобразованиях. Этот вывод делает и Рудницкая. Можно даже сказать, что он был своего рода «зациклен» на просвещении как единственном цивилизованном пути России к европейскому статусу. Естественно прогресс, по Чернышевскому, достигается производственной и умственной деятельностью массы народа, «обеспечением частных прав отдельной личности», усвоением западноевропейских идей свободы, движением к гуманистическим духовным ценностям. «Таким предстает цивилизационное видение Чернышевским исторического движения России», – заключает Рудницкая [7, с.51].

Такова общая характеристика современной литературы о Чернышевском. Ясно, что занимаются им сегодня слабо. Развенчать тот образ, который десятилетиями создавали и успешно внедряли в науку апологеты ленинских подходов к Чернышевскому не просто. Сохраняется, к сожалению, в исторической науке использование «крайностей» в

оценках, а демократ не может быть полностью причислен к какому-либо одному идеологическому направлению. Еще при жизни его не понимали до конца ни либералы, ни крайние радикалы. Последние считали его «кабинетным революционером», слишком теоретиком, не готовым к практическим действиям. Большевиками же он был нужен как «знамя» и его образ был сильно искажен.

Чернышевский любил и уважал закон, но он и погиб, пытаясь на него опереться. Европеизирующееся государство, в котором бродило еще слишком много азиатчины, собрав ее в кулак, сколько могло сильно ударило человека, который вел себя так, будто он уже и вправду живет в законопослушном и благоустроенном европейском государстве. А если присмотреться к нему повнимательнее, то его жизнь, как отметил В.Ф. Антонов, предстает в двух ипостасях: одна – реализованная, другая – не востребованная и как бы навсегда оставшаяся в запасе. «Содержание первой – борьба за интересы крестьянства, а другой – наука», – пишет историк [1, 79].

Что же касается новых оценок в образе Чернышевского, то есть и неожиданные. Антонов, например, называет Чернышевского и Герцена основоположниками народничества, обосновав это движение как систему анархо-социализма. «Это был классический, не похожий ни на одну его западную разновидность русский анархизм» [с.195]. Чернышевский отверг государство при социализме, показав, что лучшей формой устройства страны будет федерация, основанная на самоуправлении независимых субъектов. Он отверг насилие как средство преобразования, предложив путь реформ сверху. Образ – не беспорный, но новый, современный, а изучать Чернышевского сегодня следует.

Список использованной литературы:

1. Антонов В. Ф. Н.Г.Чернышевский. Общественный идеал анархиста. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 200 с.
2. Володин А.И. «Что вы Европой нам колете глаз?» (Штрихи к портрету российского западничества) // В раздумьях о России (XIX век). – «Археографический центр», 1996. – С. 189-213.
3. Егоров Б.Ф. Очерки по истории русской культуры XIX века // Из истории русской культуры. – Т.V. (XIX век). – М.: Языки русской культуры, 2000. – 848 с.
4. Кантор В.К. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). – М.: РОССПЭН, 2001. – 704 с.
5. Карпачев М.Д. Истоки российской революции: легенды и реальность. – М.: Мысль, 1991. – 272 с.
6. Кириллова Е.А. Очерки радикализма в России XIX века. Философско-исторические концепции 40-60 годов. – Новосибирск: Изд-во Новосибирск. ун-та, 1991. – 202 с.
7. Рудницкая Е.Л. Чаадаев и Чернышевский: цивилизационное видение России // Вопросы истории. – 2003. – № 8. – С. 37-55.
8. Троицкий Н.А. Россия в XIX веке. Курс лекций: Учеб. Пособие. – М.: Высшая школа, 2003. – 431 с.
9. Чернышевский Н.Г. Из № 1 «Современника» // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. – Т.II. – М.: Гослитиздат, 1949–С. 614-624.
10. Чернышевский Н.Г. О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. – Т.IV. – М.: Гослитиздат, 1948– С. 470-501.
11. Чернышевский Н.Г. Кавеньяк // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. – Т.V. – М.: Гослитиздат. – С. 5-64.
12. Чернышевский Н.Г. О новых условиях сельского быта // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. – Т.V. – М.: Гослитиздат, 1950. – С. 65-136.
13. Чернышевский Н.Г. Экономическая деятельность и законодательство // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. – Т.V. – М.: Гослитиздат, 1950– С. 576-626.
14. Чернышевский Н.Г. Г.Чичерин как публицист // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. – Т.V. – С. 644-670.
15. Чернышевский Н.Г. Не начало ли перемены? // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. – Т.VII. – М.: Гослитиздат, 1950– С. 855-889.
16. Чернышевский Н.Г. Апология сумасшедшего // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. – Т.VII. – М.: Гослитиздат, 1950. – С. 592-618.
17. Чернышевский Н.Г. О причинах падения Рима // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. – Т.VII. – М.: Гослитиздат, 1950– С. 643-668.

